

Юрий Корытин

Следствие ведут алики

18+

Юрий Корытин

Следствие ведут алики

<https://litres.ru/74252797>

SelfPub; 2026

Аннотация

Рассказ в жанре иронического детектива. Иронии много. Компания друзей, забросив дела, всеми доступными им средствами стремится доказать невиновность своего товарища, обвиняемого в убийстве. Время чтения около полутора часов.

Юрий Корытин

Следствие ведут алики

Проклятый Камаз! Я его не вижу, но знаю, что он слева и всей своей чёрной массой несётся прямо на мою машину. А сзади жена и маленькая дочка! И я судорожно жму на газ, пытаюсь проскочить злосчастный перекрёсток. Я должен, должен, должен успеть! Кажется, эти ужасные секунды не закончатся никогда. Они длятся, длятся, длятся... Больше всего я страдаю из-за того, что из распахнутого рта никак не может вырваться крик – мне кажется, надо только закричать, и Камаз проедет мимо, и дорогие мне люди не пострадают... Тело напряглось, скованное судорогой, рот пересох, а в голове раздаётся противный назойливый звон.

Звон? Я вздрогнул и проснулся... Слава богу, это был только сон! Я не смог бы пережить всё заново.

Звонили во входную дверь, причём постоянно и настойчиво. Так могут звонить только судебные исполнители и соседи из квартиры ниже, которых я залил. Стоп, что там насчёт судебных приставов? Вроде ничего, у меня всё оплачено. Значит, соседи снизу, а это гораздо хуже!

Так, начинаем соображать. Прежде всего следует надеть штаны. Рубаху не обязательно – перетерпят. Я взглянул на часы – часовая стрелка пошла на второй круг, значит, полдня уже проспал.

Дверной звонок заколебал до такой степени, что я, хотя и с трудом, ударившись по пути о притолоку, но сосредоточившись взглядом на цели, всё-таки докондюхал до входной двери. С учётом выпитого вчера – почти олимпийский подвиг!

Открыв дверь, я несколько обалдел: передо мной стоял Спичкин, участковый, собственной персоной.

За те несколько секунд, что мы молча смотрели друг на друга, я успел не на шутку испугаться: значит, вчера всё-таки что-то было?! В голове вихрем пронеслись какие-то несвязные мысли... А что в ней может пронестись связного, если я ничего не помню?!

– Блин... Скажи сразу: что я натворил?!

– Ты – ничего. А вот твой друг-приятель... натворил дел.

– Это который?

Спичкин слегка склонил голову набок и посмотрел на меня с нескрываемым презрением. Так смотрят закоренелые трезвенники на ещё более закоренелых алкоголиков. Я его понимаю – чего там, грешен!

– Войти-то хоть можно?

– Заходи.

Спичкин критически оглядел моё логово, но ничего не сказал. Значит, он пришёл по серьёзному поводу, иначе не преминул бы заявить примерно следующее: «Ну как ты можешь терпеть такой беспорядок?». Всё это потому, что Спичкин целиком и полностью испорчен семейной жизнью,

иначе он понял бы, что главное в вещах, окружающих мужчину – их функциональность. А все вещи в моей квартире имели чёткое функциональное назначение. Даже обои, обтрепавшиеся и свёрнутые в колечко возле пола, не потеряли своей функциональности – разве они перестали быть обоями? И что, по мнению Спичкина я должен заплатить тучу денег и неделями терпеть неудобства ремонта? Ради чего? Чтобы обои возле пола перестали свёртываться в колечко? И всё?!

Мы прошли на кухню. Я перетаскал в мойку остатки вчерашнего сабантуя, чтобы Спичкин мог положить на стол свою потрёпанную сумку-планшетку. Он достал из неё блокнот и ручку.

– Не томи, кто что натворил?

Участковый посмотрел профессиональным взглядом мне прямо в глаза, как будто желая отсканировать все мои мысли.

– Ночью был убит Семёныч, охранник гаражного кооператива. Ты его знаешь?

Это известие было настолько ошеломляющим, что не сразу дошло до сознания, поэтому я сугубо автоматически ответил:

– Мы все его знаем... И в будке его над гаражами все побывали. А кто его убил?

– Все улики указывают на твоего приятеля.

– Какого?

– Николаху.

Услышав такое, я просто впал в ступор, уставившись выпученными от изумления глазами на Спичкина, не в силах произнести хоть слово. Николаха – убийца?! Да я скорее поверю, что это я убил Семёныча! Спичкин терпеливо ждал, пока я снова обрету способность говорить.

– Да ты что?! Николаха не мог этого сделать! И не просто не мог, а в принципе не мог!

– Успокойся.

– Да не желаю успокаиваться! Если хочешь знать, он самый лучший человек из тех, которых я когда-либо встречал.

– Хорошие люди тоже совершают преступления.

Нет, такого друга, как Николаха, я Спичкину не отдам!

– Наверное, ты плохо знаешь Николаху, а он, между тем, добрейший мужик, мягкий, незлобивый, даже матом не ругается, в отличие, кстати, от нас. Ты не согласишься, но во всех ссорах и спорах он всегда пытается всех примирить. А в драках бросается в самую гущу, но не для того, чтобы участвовать, а пытаюсь разнять дерущихся. Ты знаешь второго такого человека?

Спичкин делал пометки в блокноте, никак не реагируя на мои слова. Я почувствовал, что его равнодушие меня заводит: я обязан достучаться до сознания Спичкина, он должен понять про Николаху то, что для нас, его друзей, является очевидным!

– Послушай, Спичкин, если бы ты знал Николаху так, как его знаем мы, ты бы понял, что он человек абсолютно некон-

фликтный: если чувствует, что ты настроен на спор, он уступает, даже сознавая собственную правоту. А почему? Потому, что для него главное не победа в споре, а желание избежать конфликта с другим человеком, тем более, другом... А с Семенычем они были если и не друзья, то, по крайней мере, приятели.

Спичкин, никак не проявляя своего отношения к тому, что я говорил, поднял глаза от своих записей и спросил:

– Расскажи, что вчера было.

– Да было как обычно. Собрались у меня... Ну выпивали, ты понимаешь.

– А кто участвовал?

– Да все наши были, и Николаха тоже. Вот только как всё закончилось, не спрашивай, не помню – отключился. Очухался, только когда ты в дверь начал названивать. А ты сам-то что думаешь?

Спичкин, надо признать, мужик, в общем-то, неплохой, даром что полицейский. Поэтому он ответил честно.

– Я тоже не очень верю, что в здравом уме Николаха может кому-нибудь причинить зло. Но, с другой стороны, на что способен человек, упившийся до потери рассудка?

– Николаха даже в упившемся состоянии остаётся мягким и добрым человеком. Уж мне ли этого не знать, учитывая количество выпитого с ним?!

Участковый задумался. Он больше не сканировал мой мозг, пронзая взглядом. Мне показалось, что если я и не убе-

дил Спичкина в невинности Николахи, то, по крайней мере, заронил у него сомнение в его виновности. Поэтому он решил предъявить мне факты, о которых изначально не собирался говорить.

– Дело в том, что все обстоятельства против Николахи. Полицию вызвал припозднившийся автомобилист ещё ночью. Полицейские поднялись в будку сторожа на въезде в гаражный кооператив, и что они увидели?

Спичкин сделал паузу, чтобы придать большее значение своим последующим словам.

– Семёныч убит ударом ножа. Орудие убийства валяется на полу. Николаха спит беспробудным сном на диванчике возле стола. А на столе стоят бутылка водки и два стакана.

– Ну, и что? Разве это доказывает, что убийца Николаха? Пусть полицейские разберутся, это их работа.

Спичкин посмотрел на меня с чувством некоторого сожаления.

– Полиция усердствовать не будет. И оперов можно понять: есть подозреваемый, и не где-нибудь, а рядом с трупом. Есть орудие убийства. Наверняка дактилоскопия обнаружит на ноже отпечатки пальцев Николахи. Есть выпитая бутылка, а это, если угодно, мотив – сколько мужиков порезали в пьяных ссорах? Вот сам подумай: какие основания искать убийцу, когда – вот он, прямо перед тобой? Кроме того, не забывай, в стране кризис, в МВД элементарно не хватает сотрудников.

– У нас всегда кризис.

– Вот и я о том же.

Спичкин на секунду задумался, а потом продолжил излагать свою логику.

– В общем, все улики против Николахи. Самый рациональный подход в этом случае – дожимать подозреваемого, предъявлять ему неопровержимые факты. Как только признается – всё, занавес. А он рано или поздно признается, поскольку не сможет опровергнуть имеющиеся доказательства, – ведь он же ничего не помнит. Его убедят, что это он, набухавшись, пырнул ножом Семёныча, и Николаха сам в это поверит.

Услышав такое, я похолодел. Только теперь до меня дошло, насколько плохи дела у Николахи. До этого мной владела уверенность, что невиновность Николахи очевидна для всех, а не только для его друзей.

– И что же делать?

– Не знаю. Остаётся надеяться, что найдутся смягчающие обстоятельства.

Ну нет, это пусть Спичкин надеется на смягчающие обстоятельства, а я сделаю всё, чтобы доказать невиновность своего друга!

– Если хочешь знать, я Николахе жизнью обязан. После гибели жены и дочери я впал в такую страшную депрессию, что почти дозрел до радикального решения всех проблем. Николаха меня в буквальном смысле из петли вынул. Поэто-

му мой долг – слышишь, долг! – сделать всё, чтобы его спасти. Это дело принципа. А принцип – это то, что сильнее нас. Сильнее выгоды, любого интереса и, в пределе, сильнее даже всех биологических инстинктов.

– Надеюсь, что у тебя получится. Если понадобится помощь, обращайся.

Показалось, Спичкин произнёс эти слова от чистого сердца. После этого он покинул квартиру.

Так, надо подумать, с чего начать. Прежде всего следует восстановить форму. Для этого имеется испытанный способ, который должны прописывать врачи. Я достал из холодильника бутылку пива и выпил её всю прямо из горла. Боль в голове немного отпустила. Голова медленно, со скрипом, но заработала.

Николаха был заслуженным членом нашей питейной компании. В районе с лёгкой руки Спичкина нас звали аликами – так Спичкин, чтобы не утруждать себя произнесением длинного слова, называл алкоголиков.

Но никто из нас не считает себя алкоголиком. В питейной компании друзей мы спасаемся от собственных мыслей и жизненных проблем, страшного прошлого и постылой реальности, бесцельности и бессмысленности собственной жизни. Может показаться парадоксальным, но главной целью наших собраний является отнюдь не совместное распитие спиртных напитков, а общение. Мы собираемся компа-

нией чтобы общаться, чтобы не сойти с ума в пустой квартире и не повеситься от одиночества. Алкоголь – это только повод для общения, потому что для мужчин, к сожалению, без него оно практически невозможно. Конечно, существует реальная опасность, что алкоголь из повода для общения станет смыслом жизни, завладеет сознанием и начнёт определять поступки. Что на это ответить? Могу сказать только про себя. Сейчас я не готов снова оказаться во власти своих воспоминаний, когда страшные картины преследуют не только ночью, а стоят перед глазами наяву, заставляя с перекосенным ртом в беззвучном крике мотать головой, пытаюсь стряхнуть, отправить опять в подсознание, отрешиться хотя бы на время от ужасающей реальности.

Но сейчас, слава богу, мне было не до собственных проблем – надо было спасать Николаху. Я поднялся на пятнадцатый этаж. Здесь жил Васька-Сержант. Своё прозвище он получил потому, что долго работал в полиции. За образцовую борьбу с нарушителями общественного порядка ему даже хотели присвоить звание сержанта, но тут Васька на радостях напился и начистил кому-то – не тому, кому следовало – физию. Пострадавший оказался не из простых, и Ваську турнули из органов и сержанта не дали. Мы оказались щедрее: хочет быть сержантом – пусть будет!

По природе Сержант экстремал и почти экстремист. Однажды он рассказал, что испытывает патологический, на генном уровне, страх высоты. Это не трусость, а неконтролиру-

емая реакция организма. Так вот, чтобы преодолеть страх высоты, Сержант после полиции устроился работать не кем-нибудь, а машинистом подъёмного крана на стройку. Он, конечно, не превозмог полностью высотобоязнь, но коленки на высоте дрожать перестали.

И тут подоспела новая напасть. Когда Сержант с одной из очередных жён отдыхал в Крыму, выяснилось, что у него, в дополнение ко всему, водобоязнь или, по-научному, гидрофобия – у самой кромки прибоя на фоне бесконечной водной глади у него буквально подгибались ноги от неконтролируемой слабости и голова кружилась как после карусели. Приходилось, чтобы не упасть позорно в обморок, лечь на землю, и, глядя в небо, судорожно хвататься руками за гальку.

Что бы вы сделали на его месте в этом случае? Наверное, пошли бы к психотерапевту. Сержант же купил билет на местный пароходик, и как только отплыли подальше, он закрыл глаза и с воплем «За Родину!» сиганул за борт. Ему успели бросить спасательный круг, но он всё равно чуть не утонул, даже не столько из-за неумения плавать, сколько по причине предательской слабости тела. Доставали его, едва живого, трое матросов. Однако после этого случая вид водной глади уже не вызывал у него полуобморочного состояния. Только слегка подташнивало.

Отвечая на вопрос, сколько раз он был женат, Сержант и сам путается в показаниях. Он поднимает глаза к потолку и

начинает перебирать в памяти всех своих женщин, произвольно шевеля губами. Его можно понять: иную сожительницу воспринимаешь как жену, и наоборот. Между тем неразборчивость в отношениях привела к закономерному итогу: в конце жизни Сержант оказался один, без детей и без какой бы то ни было опоры в жизни. За показной лихостью и грубой суровостью скрывалась ранимая и израненная душа. Что удивительного в том, что он нашёл отдушину в нашей компании?

Я звонил минут пять, пока не услышал за дверью Васькин бас и ругательства, адресованные разным козлам, которые не дают спать по утрам законопослушным гражданам. Он был уверен, что всё ещё утро. В отличие от меня Сержант не соизволил даже надеть штаны.

– Ты чего, Тёплый, так рано?

Надо пояснить, почему я – Тёплый. В своё время я проходил практику на заводе в теплотехнической лаборатории. На проходной сидела старушка-охранница, тогда их называли ВОХР – военизированная охрана. Времена были спокойные, и охрану серьёзного предприятия обеспечивали в том числе и такие вот старушки – «божьи одуванчики». Первый раз она меня спросила, куда я иду. Я ответил. Охранница переспросила: «В тЁплотехническую лабоЛаторию?». Я ответил утвердительно, исправив свой первоначальный ответ, и она меня пропустила. В последующие мои посещения завода я сразу говорил, что иду в «тёплотехническую лаболаторию»,

и вопросов не возникало, поскольку бдительная охранница сразу видела: я – свой. Когда мои друзья услышали эту историю, я и получил своё прозвище – Тёплый.

Сержант впустил меня в квартиру, которая поражала своей функциональностью ещё больше, чем моя. Я изложил ему суть проблемы.

– Ты понимаешь, что Николаха ничего такого не совершал. Мы должны его вызволить.

– Ё-моё! Да чтоб я сдох! Скорее уж я кого-нибудь убью, чем Николаха!

Ну вот, ещё один претендент на роль убийцы.

– Я Николахе обязан. Однажды в спортбаре я повздорил с одним чуваком, уже бутылку схватил, чтобы со всей дури дать ему по репе. Так Николаха, шкет такой, повис на моей руке и даже вцепился зубами в рукав рубахи, чтобы я его не скинул. Если бы не он, я бы сейчас сидел. Я за него всем операм фитиль вставлю, чтоб лучше искали настоящего убийцу!

Если Сержанта не остановить, он долго не уймётся. Надо направить его на рациональный путь.

– Ладно, предположим они уже все бегают с фитилями. А конкретно что бы ты предложил?

Если физиономия Сержанта и отразила растерянность, то это было только мимолётное виденье. Он никогда не испытывал затруднений в том, что касается действий.

– Вот что. Надо ночью выломать к едрене фене решётку на окне в отделении полиции и выдрать Николаху из грязных

ментовских лап. — Когда Васька расхотелся, он был склонен прибегать к поэтической терминологии. — А если не получится, дождёмся, когда эти сатрапы повезут его в проклятую каталажку и возьмём, на хрен, автозак штурмом. И угоним его в деревню к брательнику моей третьей жены, у меня с ним хорошие отношения. Тем более, я помог ему отмазаться, когда он однажды вздумал глушить рыбу взрывчаткой, украденной из карьера, а его взяли за жабры. У него нас во-век не найдут. А автозак загоним в сарай. Он там весь не поместится, но мы то, что останется на улице, сеном закидаем — брательник жены козу держит. Ещё и молочка козьего попьём.

— Послушай, я от тебя ожидаю не сюжетов для глупых голливудских боевичков, а рациональных предложений!

Сержант первый раз за всё время задумался

— Пока не похмелюсь, с рациональными предложениями будет туговато.

Я молча достал из сумки приготовленную бутылку пива и поставил её перед Васькой. Надо было видеть, как он её пил! Так, наверное, пьют верблюды, которые целый месяц вместо воды жевали песок и им даже отплёвываться было нечем.

— Ну подумай, ты же был ментом!

Было видно, как напряглись его извилины. К сожалению, только на лбу.

— Прежде всего надо выяснить, как мы вчера разошлись от тебя по домам и как Николаха попал в будку Семёныча.

– Об этом я и без тебя догадался. А дальше что?

– А дальше будет видно.

Тьфу! Сержант недоделанный! Я-то надеялся, он мне поможет...

Мы спустились на восьмой этаж. Там проживал наш третий друг – Мямлик, так его звали все знакомые и незнакомые в районе. Признаться, внешне – круглым лицом, носом-картошкой и добрыми-добрыми глазами – он полностью соответствовал своему прозвищу, полученному в честь персонажа древней детской телепередачи про Шустрика и Мямлика. Причём получил он его не от кого-нибудь, а от собственной жены, злой и на редкость глупой бабы. Она, сознавая свою ограниченность и убогость во всех отношениях, самоутверждалась за счёт своего мужа, постоянно его третируя, шпыняя и унижая на людях. Мямлик – это ещё самый слабый из тех эпитетов, которыми она его награждала, считая бездарным, никчёмным и совершенно ни на что не способным. Не удивительно, что при малейшей возможности Мямлик старался сбежать из «семейного очага» в тесную компанию друзей, где он был равным среди равных.

Между тем Мямлик мужик далеко – и очень далеко! – не глупый, просто он очень добрый и мягкий, к тому же отличается редким косноязычием. Но относительно мужских качеств Мямлика его жена сильно ошибается. Однажды Мямлик чисто случайно, совсем нечаянно присел за столик

на летней веранде супердорогого ресторана и был грубо, с оскорблениями выставлен за пределы заведения, при этом ему ещё втихаря надавали по шее.

Однако чувство собственного достоинства присуще Мямлику не меньше, чем какому-нибудь надменному аристократу, у которого из разбитой сопатки течёт голубая кровь. Он стал назло врагам каждый день повторять описанное выше действие, беззвучно снося тумачи по рёбрам и подлые удары в живот, пока всё это не превратилось, по сути, в маленький подвиг. Меньше всего, конечно, Мямлик думал о подвиге, для него эта «война» была способом реально, не на словах, а на деле утвердить своё мужское достоинство (в первоначальном, конечно, а не извращённом смысле): ведь настоящие мужские качества зачастую проявляются в тихом, но неуклонном сопротивлении.

В конце концов до хозяев ресторана дошло, что его невозможно сломить и заставить отступить. Им пришлось сдаться, чтобы окончательно не распугать посетителей. Они, как истинные бизнесмены, решили, что дешевле откупиться. Сотрудники заведения, завидев Мямлика, стали перехватывать его ещё на ближних подступах и выносить заранее приготовленные рюмку водки и малюсенький бутербродик. Мямлик с благородной величавостью того самого аристократа снисходительно принимал подношение и, откушав, степенно и в приподнятом настроении отправлялся *продолжать* в нашу питейную компанию. Единственное, что его огорчало, это то,

что жена не узнала о его маленькой победе. Думаю, он зря огорчается: стоит ли стремиться к признанию подобных персонажей?

После того, как Мямлик поведал нам эту историю, Сержант не смог стерпеть такого оскорбительного обращения со своим другом. Он не успокоился до тех пор, пока не отловил в спортбаре главного обидчика и сначала как следует не отметелил его, а потом засунул головой в унитаз. Последнее Мямлик не одобрил: «То, что набил морду – это, может, и справедливо, зло должно быть наказано. Но зачем унижать? Пусть он плохой человек, но ведь человек! Теперь мне придётся извиниться перед ним за себя и за тебя». Впрочем, Сержант его претензии совершенно не понял и парировал: «Ничего, зато я ему приказал впредь тебя коньяком встречать». Однако всё-таки не он, а Мямлик поставил точку: «Нет, не пить мне их коньяк. Я больше не буду ходить в тот ресторан, потому что не смогу смотреть в глаза человеку, который претерпел такое унижение из-за меня».

...Мямлик обрадовался нашему приходу. Открыв дверь, он приложил палец к губам и, воспользовавшись тем, что жена копалась на кухне, улизнул из дома.

Он близко к сердцу воспринял беду, случившуюся с Николахой. Мы знали, что Николаха когда-то дал деньги на лечение его дочери, заранее зная, что Мямлик их не вернёт – откуда у него деньги? Теперь Мямлик отреагировал парадоксально: он не огорчился, а, наоборот, вроде как даже об-

радовался возможности вернуть не денежный (причём тут деньги?!), а моральный долг. Он даже посветлел лицом, а в глазах сквозь всегдашнюю доброту стала проглядывать целеустремлённость.

Выйдя из дверей подъезда, мы ощутили настоящий тепловой удар – нагретый за день асфальт излучал как настоящая печь. Ощущение – словно зашёл в парилку прямо в одежде.

– Фу, липкая жара! Невыносимо, да ещё с похмелья, – недовольно пробасил Сержант.

– Что значит липкая?

– Это когда штаны прилипают к заднице.

Мямлик не долго размышлял как помочь другу. Мы привыкли к его манере говорить – каждая фраза у него наполовину состояла из пауз.

– Ты это... короче... смазывай своё чувствительное место...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.